

ДВОЕ В ОБЩЕСТВЕ ИНТИМНАЯ ПАРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редакторов	5
Введение	7
Глава 1	
Интимная пара как малая группа	25
Глава 2	
Возникновение интимной пары	71
2.1. Визуальное внимание	74
2.2. Знакомства в большом городе.....	96
2.3. Знакомства в виртуальном пространстве	123
2.4. Между дружбой и любовью.....	166
Глава 3	
«Конфетно-букетный» (романтический) период	193
3.1. Свидание как форма взаимодействия.....	197
3.2. «Для чего мы вместе?»	254
3.3. Чувственно-эмоциональный фундамент интимной романтической пары	270
3.4. Режим лояльности: верность/измена, ревность.....	311
3.5. Интимность в романтической паре	331
3.6. Спектакль окончен. Занавес!.....	354

Глава 4	
Интимное сожительство	373
4.1. Статус интимного домохозяйства	376
4.2. Переход к совместному проживанию	395
4.3. Социальная организация совместной жизни под одной крышей	410
4.4. Путь под венец?	464
4.5. Инерция интимного сожительства	483
Глава 5	
Пластичные интимные пары	503
5.1. Легкие отношения.....	507
5.2. Параллельные отношения	529
5.3. Курортный роман	539
5.4. Открытая пара	565
5.5. Коммерческая интимная пара	580
Заключение	608
Список источников и научной литературы	611

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Если бы нас спросили, в чем состоит главная ценность книги Владимира Ильина и его коллег, мы бы непременно ответили: в богатом эмпирическом материале, лежащем в ее основе. А еще она дает уникальную возможность для широкой аудитории читателей познакомиться со многими социологическими теориями и подходами, взглянуть на отношения в паре под новым углом. И заодно убедиться, что мир может быть объяснен очень по-разному, что он изменчив и подвижен, что каждый из нас способен его изменить. Удивительно и безумно интересно читать рассуждения участников первой волны исследования, дававших интервью в конце «нулевых». Сегодня, более десятилетия спустя, многие из их представлений о социальных ролях мужчины и женщины кажутся в чем-то неполиткорректными, а в чем-то и архаичными. Мир в буквальном смысле стал другим!

Обычно при обсуждении интимных отношений в широком публичном пространстве наиболее громкий «экспертный» голос принадлежит практическим психологам или тем, кто себя так называет. Однако любые отношения между людьми, в том числе гендерные, зависят не только от психики участников взаимодействия (их эмоций, переживаний, характеров), но и от общества. Предлагаемая вашему вниманию книга написана социологами, поэтому в фокусе авторского интереса оказались предрассудки, стереотипы, культурные паттерны, ролевые репертуары и другие явления, преимущественно, социального происхождения. Все они составляют условия, в которых человек формируется как личность, с которыми ежедневно сталкивается и на которые ориентируется при организации своей жизни.

Книга «Двое в обществе» многогранна и способна под индивидуальным ракурсом открыться каждому, у кого когда-нибудь были романтические отношения. Ее можно не только с интересом читать, но и столь же увлекательно листать. Вчитываясь в отдельные цитаты, в калейдоскопе личных историй можно узнать себя или посмотреть на мир глазами тех, с кем в повседневной жизни ваши пути никогда бы не пересеклись.

Должны сказать, что коллектив Департамента издательских программ ВЦИОМ прошел непростой путь, готовя «Двое в обществе» к выпуску, ведь книга рождалась и росла у нас на глазах. Мы много и горячо спорили по отдельным вопросам. В итоге оказались в ситуации, когда уместно написать, что мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторского коллектива книги. Это не случайно: у любого автора есть (и должна быть) своя позиция, а у любого читателя есть право согласиться или не согласиться с ней.

Российское общество — и в частности высокообразованная молодежь — сегодня становится особенно рефлексивным к существующему гендерному порядку и даже в чем-то стремится его изменить. Вслед за рядом стран в России наметились ростки низовой заинтересованности в базовых идеях феминизма и феминистской критике патриархата, что можно наблюдать в полемиках в массмедиа, социальных сетях и реальной жизни.

Мы приглашаем читателей к непростому разговору о вещах, обычно скрытых от чужих глаз, и призываем в диалоге с книгой, ее авторами и героями прийти к собственным выводам и суждениям.

Искренне благодарим Анну Кокареву, Дениса Подвойского, Оксану Лисицыну и Ларису Шпаковскую за неоценимую помощь при подготовке издания к печати.

*Илья Ломакин, научный редактор,
Анна Кулешова, выпускающий редактор*

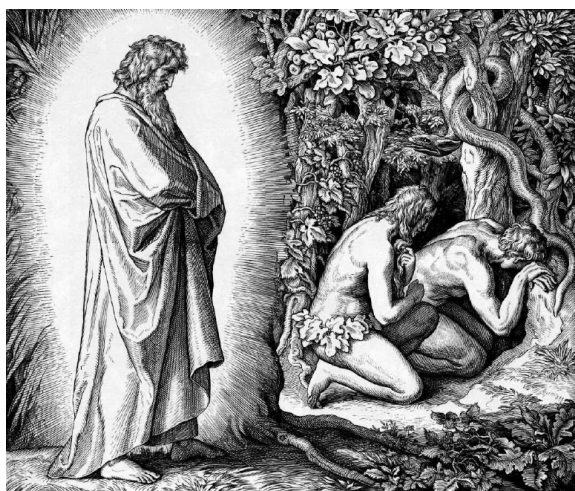
Самый беглый взгляд на повседневную жизнь людей позволит заметить в ней интимные пары. Их увидит даже тот, у кого совершенно отсутствует социологическое воображение: чтобы распознать пару, не нужны специальные знания и навыки. В уличных толпах легко выделить людей, идущих, взявшись за руки или в обнимку, сидящих по двое в кафе; вечерами людские потоки разбредаются по квартирам, в которых многие окажутся за одним столом и в одной постели с другим человеком. Поиски смысла жизни и счастья, материализованные в разговорах, книгах, общении в социальных сетях и походах к психологам, в заметной мере вращаются вокруг поиска подходящего Другого, с кем можно создать интимную пару.

Разумеется, это не означает, что все люди живут попарно. В поведении людей почти нет универсальных законов. Есть только тренды, в том числе и взаимоисключающие. Многие в современном мире выбирают жизнь соло, но это другая тема. Данная книга посвящена только неформальным, то есть не состоящим в официальном браке, интимным парам как мельчайшим единицам социальной структуры.

Философ и социолог Зигмунт Бауман предложил взгляд на современное общество как на «текущую современность». «„Твердая“ современность была эрой взаимных обязательств. „Жидкая“ современность — это эпоха разъединения, неуловимости, легкого бегства и безнадежного преследования. В „жидкой“ современности правят те, кто наиболее неуловим и свободен передвигаться без предупреждения» [Бауман, 2008: 131].

На наших глазах формируется социальная реальность, в которой все постепенно становится относительным, «жидким» и «текучим», не-

предсказуемым и краткосрочным. Не являются исключением и интимные отношения, что позволяет сместить фокус с темы вечной любви, красной нитью проходящей через всю историю культуры человечества, на «текущую любовь» [Bauman, 2003]. Нам представляется удачным анализ процессов возникновения, развития и распада неформальных интимных пар как ее мельчайших единиц. Эта тема, с одной стороны, вечная, а с другой — погруженная в контекст современной «текущей» реальности. Он и Она находят друг друга и формируют новую социальную единицу — интимную пару. Однако это отнюдь не частное дело двух индивидов, так как общество в лице многочисленных его субъектов смотрит на них через призму морали текущей эпохи и конкретной социальной группы, пытаясь ввести интимную жизнь в рамки приличия.

Адам и Ева скрываются от лица Господа.
Художник Ю. Ш. фон Карольсфельд (1794—1872)

Сюжет Библии известен каждому, кто хотя бы немного знаком с христианской культурой. Бог создал Адама и Еву и поселил в раю, наказав: «...плодитесь и размножайтесь...» (Бт. 1:28). Оба были наги, но не стыдились этого. Однако при этом настрого запретил им есть яблоко с Древа познания добра и зла. Но тут им повстречался змей, который убедил Еву, что ничего страшного не будет. Она и сама съела, и Адама угостила. «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили

смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Бт. 3:7). Разгневанный Бог сказал Еве: «...умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою», — и выслал грешников из сада Эдемского (Бт. 3:16).

В этой библейской истории первой интимной пары содержится культурный код христианской половой морали, открытый для разных интерпретаций. Наделенные свободой воли, люди разрываются между соблазном греха и принципами сакральной чистоты. Это противоречие можно описать и в терминах конфликта между сексуальным инстинктом и моралью.

Особенно четко данное осмысление проявилось в средневековой Западной Европе, где поэты и барды воспевали борьбу между страстной любовью и жесткой логикой христианского брака. Позже Зигмунд Фрейд осмыслил его в терминах психоанализа. Бессознательный сексуальный инстинкт, притягивающий людей друг к другу, втискивается в жесткие рамки культуры, допускающей интимные отношения в паре, но только в соответствии с правилами.

Объект нашего исследования — современная неформальная интимная пара. В силу отсутствия сформировавшегося и общепринятого категориального аппарата такое определение объекта открыто для критики. Мы долго искали термин, объединяющий изучаемые случаи, и остановились на этом как относительно более адекватном с учетом сопутствующих пояснений. Под интимностью здесь понимаются исключительные тесные личные отношения, закрытые для посторонних. Иначе говоря, то, что допускается между этими людьми, исключено в отношениях с другими. Интимность многослойна и не сводима к сексуальности. Ее основными элементами являются интеллектуальная, духовная и эротическая (телесная) интимности. Первые две формируют интимность дружескую: людям есть о чем поговорить (общие интересы сочетаются со схожим уровнем их осмысления), исходя из близких систем ценностных ориентаций. Эротическая же интимность предполагает ту или иную степень телесной близости. Под интимной парой в полном смысле этого слова в данной книге понимаются два индивида противоположного пола, между которыми имеются все формы интимности. Это идеальный

тип¹ интимной пары в рамках данного исследования (за скобки которого выведены негетеросексуальные пары). При этом системообразующей выступает эротическая интимность. Повторимся: мы рассматриваем только неформальные интимные пары, то есть те, которые не связаны «священными узами брака».

Первый ключевой вопрос нашего исследования: как индивиды находят друг друга, балансируя между сексуальным влечением и моральными нормами?

Второй вопрос: как два «Я», нашедшие друг друга, превращаются в «Мы», то есть в интимную пару? Индивиды в ней не связаны никакими формальными правилами, принуждающими быть вместе. Однако невидимые центростремительные силы сближают их, природное сексуальное влечение преобразуется в общие правила, ценности, табу. Формируется граница между интимным «Мы» и социальным окружением — публикой. Интимная пара становится автономной социальной единицей. В данном исследовании мы ее описываем также с помощью категории «романтическая пара», прекрасно понимая неоднозначность слова «романтический». Здесь оно используется в самом приземленном смысле: в качестве критерия выступает характер отношений как череды свиданий.

Третий вопрос: как романтическая пара трансформируется в интимное сожительство, то есть сообщество, которое, с одной стороны, своей неформальностью очень похоже на романтическую пару, а с другой — опирается на экономический базис домохозяйства? Где водораздел между сожительством и семьей?

Четвертый вопрос тесно связан с логикой «текучей» реальности: что собой представляют пластичные пары, которые опираются на минимум моральных норм и взаимных обязательств, стремительно возникают и столь же неожиданно исчезают?

¹ В данном случае прилагательное «идеальный» не имеет отношения к его обыденному пониманию как «самого лучшего». Макс Вебер следующим образом определял идеальный тип: сначала «устанавливается, как должно было бы выглядеть действие, будь оно строго целесообразным, не подверженным влиянию иррациональных аффектов», при знании участниками всех обстоятельств и намерений друг друга. «Реальное действие» является отклонением от идеального типа, обусловленным влиянием «всякого рода иррациональных факторов (аффектов, заблуждений)» [Вебер, 2016: 69—70].

Методология исследования

Предлагаемая вниманию читателей книга является результатом эмпирического исследования. И хотя в ней регулярно затрагиваются теоретические вопросы, мы старались не перегружать ее обзором научных дискуссий и попытками упомянуть всех авторов, занимавшихся близкой тематикой.

Книга написана в жанре интерпретации интерпретаторов. На первом уровне анализа наши информанты вместе с нами обсуждали проблемы, включенные в программу исследования, делились своим опытом и наблюдениями. Они выполняли роль повседневных экспертов, не только приводя факты, но и интерпретируя их, делаясь услышанными интерпретациями других людей. В силу этого ядро книги — логически упорядоченные повествования наших экспертов (они отделены от текста авторов курсивом). Мы старались не заглушить голоса информантов и искренне надеемся, что нам это удалось. Второй уровень анализа — наши интерпретации того, что мы услышали от них.

Отсюда и стилистика книги, вызывающая ассоциации с постмодернистскими канонами. Авторы в ней если и не умирают, то стараются держаться в тени информантов. Этим объясняются неоднородность стиля (от научного до вульгарного уличного), обилие цитат, тематический калейдоскоп, разнородность источников (интервью, художественные тексты и фильмы, научные трактаты, тексты из социальных сетей, фотоснимки повседневной жизни). Это плохо вяжется с представлениями о классическом научном жанре, однако мы стремились следовать не столько принципам академического письма, сколько логике организации повседневной жизни. А последняя предельно фрагментирована, противоречива, состоит из непредсказуемых ситуаций и банальных высказываний; мысли и поведение людей парадоксальны, сказанное редко соответствует сделанному. Задача исследователя сложна: с одной стороны, недопустим «сумбур вместо музыки» (это не добавляет читателю понимания реальности), а с другой — сортировка «житейского мусора» не должна привести к логически стройной, красивой, но совершенно далекой от настоящей жизни картинке.

Книга задумана в жанре публичной социологии. Последний предполагает, что аудитория не ограничена профессиональными социологами и людьми с социологическим образованием. Отсюда следовало

стилистическое требование: текст должен быть понятен всем образованным людям независимо от того, какой факультет они окончили. Чтобы проверить читабельность текста, мы просили знакомиться с ним людей с разным образованием. Там, где у них возникало недоумение, мы прикладывали дополнительные усилия по переводу наших идей и соображений на общедоступный язык. Разумеется, это не может не вызывать недовольства специалистов, которые увидят, что мы пытаемся отвечать на сложные вопросы, сводя к минимуму использование сугубо научных категорий. Что поделать, мы живем в мире, где все люди говорят на своих диалектах (или социолектах).

Эта книга в некотором смысле представляет собой собрание интимных биографий множества людей. Каждый использовал стиль и лексику, которая ему ближе. В силу этого правка цитат сводилась к их сокращению, устранению повторов и незначимых деталей, отступлений. Лексика сохранилась в исходном виде. Если языки проститутки и монашки не различаются, то это несомненный признак того, что нам подсовывают фальшивку. Научная ложь в социальных исследованиях начинается с редактирования языка информантов, чтобы не оскорбить чувства уязвимых групп читателей. Однако в целом в текстах интервью можно заметить самоцензуру: в реальной жизни ненормативная лексика гораздо более распространена. Информанты сами облагораживали свой язык, ведь интервью — это спектакль, в котором информант и исследователь играют друг для друга, взаимно манипулируя впечатлениями [Ильин, 2006].

Информанты в нашем проекте ни в коем случае не респонденты, отвечающие на заготовленные исследователем вопросы. Они соисследователи. В начале интервью им объяснялись проблемы нашего исследования и предлагалось поразмышлять над ними, поискать ответы на возникшие вопросы, опираясь на свой и чужой опыт. Интервьюер в такой беседе держится в тени, выходя из нее только для того, чтобы удерживать информанта в русле темы.

Центральная теоретическая проблема книги — переход от физиологии к социальной структуре. Живя в обществе, люди могут удовлетворить свои природные потребности, в том числе и сексуальные, только принимая на себя адекватные ситуации социальные роли. В результате сексуальность, понимаемая в сугубо физиологических терминах,

превращается в один из факторов воспроизводства и трансформации социальной структуры.

На историю интимных пар мы часто смотрели через оптику драматургического подхода. Как писал Шекспир, весь мир театр, а люди в нем — актеры [Шекспир, 1959: 47—48]. Следуя этой логике, мы рассматривали отдельные ситуации как театральные акты, где актеры играют, с одной стороны, друг для друга, а с другой — для публики, чье мнение в той или иной мере приходится учитывать. Поэтому предметом в этом исследовании являются не просто двое, а двое в обществе.

Изначально книга задумывалась как отчет об эмпирическом исследовании в стиле «так любят в Санкт-Петербурге». Однако по мере работы мы отходили от этого плана, прибегая к вторичному анализу данных других исследователей, материалам СМИ и художественной культуры.

Методы сбора данных

Исследование опирается на самые разнообразные источники данных, в наибольшей степени — на интервью, проведенные в Санкт-Петербурге. Вот краткая характеристика ключевых методов сбора данных.

1. *Гибрид глубинного интервью и автобиографии.* Изначально все участники проекта, кроме руководителя, выступили в качестве информантов. С ними проводились глубинные интервью продолжительностью в несколько часов с перерывами в несколько дней. Информанты-соисследователи не просто переводили свои аудиофайлы в тексты (транскрибировали), но, погружившись в логику исследования, уточняли их, видоизменяли и существенно расширяли, дописывали и переписывали. В текст интегрировались темы, изначально пропущенные интервьюером по тем или иным причинам (например, он даже не подозревал о наличии такого опыта), а спонтанные ответы развертывались в продуманные формулировки, опирающиеся на новые факты. Затем полученные тексты, представлявшие собой гибрид интервью и автобиографии, обсуждались с руководителем проекта, снова дополнялись и уточнялись. Эти документы составили исходную базу данных, на основе которой постепенно выкристаллизовывалась логика исследования, разрабатывалась его методика. Таким образом, данная книга начиналась как рассказ авторов о своей жизни. Такой рассказ закономерно подводил к вопросу: *а как это происходит у других людей?*

После такого практикума информанты стали исследователями, самостоятельно проводившими интервью.

2. *Полуформализованные интервью* продолжительностью от 40 минут до полутора часов. Они проводились по двум планам (гайдам): один был предназначен для изучения пар, существующих в формате свиданий (мы их условно называли «романтическими»), другой использовался для пар, ведущих совместное домохозяйство (интимных сожителей). В обоих планах присутствовали блоки по истории возникновения пар. На этом этапе удалось провести несколько десятков интервью, что позволило получить достаточно большой набор ситуаций, в которых возникают, развиваются и разрушаются интимные пары. В поле зрения попали в основном «обычные» ситуации из жизни «обычных» людей, то есть те, которые, с одной стороны, широко распространены, а потому в ходе интервью быстро начали повторяться, а с другой — социально одобряемы или просто приемлемы, поэтому получение такой информации не составило большого труда. Можно предположить, что информанты могли иметь и иной опыт, но упрощенная методика не позволяла собрать данные о нем.

3. *Парные интервью*. В этом случае интервью проводилось одновременно с двумя партнерами. В его задачи входили, во-первых, отработка этой методики (выявление ее плюсов, минусов, пределов использования); во-вторых, выявление процедур согласования партнерами описания и оценки одних и тех же событий. Такие интервью проходили по специальному плану, сфокусированному на обсуждении общего для партнеров опыта. Сравнение парных и индивидуальных интервью позволяло улавливать направления искажения данных в этих методах.

4. *Глубинные интервью*. Их целью было получение данных о ситуациях, которые не упоминаются в ходе стандартных полуформализованных интервью или на обсуждение которых просто не хватает времени. Такие интервью продолжались по несколько часов по разным графикам и были перегружены уточняющими вопросами, уводящими в детали отдельных тем.

(а) *Глубинные интервью, проводившиеся сеансами по полтора-два часа с разрывом в несколько дней или недель*. В каждом из них обсуждались разные этапы биографии информанта. Его большая продолжительность позволяла установить доверительные отношения между

интервьюером и информантом и детально разбирать разнообразные ситуации из интимной истории, максимально углубляясь в их логику. В результате можно было получать данные, не открывающиеся в обычном полуформализованном интервью.

(б) *Глубинные интервью как биографический мониторинг.* Такие интервью продолжительностью два-три часа неоднократно проводились с одним и тем же человеком с разрывом от одного года до нескольких лет. Такая методика позволяет снимать данные по свежим следам, преодолевая издержки информации, получаемой в режиме воспоминаний. Как показала эта методика, целый ряд событий описывается и осмысливается по-разному через призму накапливаемого опыта: один и тот же факт приобретает со временем разные смыслы. Самый длинный мониторинг продлился с 2011 по 2020 год.

5. *Избирательные глубинные интервью.* Их целью было описание и анализ специфических ситуаций, которые не являются массовыми и не вылавливаются в ходе интервью с «обычными» информантами. Такие интервью фокусируются именно на этих ситуациях, выводя всю остальную биографию в категорию контекста. Например, подобного рода интервью были использованы при анализе следующих специфических ситуаций: истории соержанки, продажи или восстановления девственности, возникновения пары в пространстве коммерческого секса и т. д.

6. *Обобщающие биографические интервью.* Их предметом является биография информанта в самых разных сферах жизни. Интимная история представляет собой только один из блоков. Обычно такие интервью проводились в формате двух-трех сеансов.

7. *Вторичный анализ данных, полученных другими исследователями.*

8. *Анализ художественной культуры (литературы и кино).* С одной стороны, в ней в образной форме отражены модели интимности из реальной жизни, поэтому с существенными поправками такие данные могут использоваться и в социологическом исследовании. Художественная культура является ценным источником гипотез, подсказывает темы для обсуждения в глубинных интервью. Многие художественные произведения оказывают воздействие на реальную жизнь, предлагая образцы для подражания, узаконивая отдельные формы поведения, которые на уровне традиционного обыденного сознания кажутся не-

приемлемыми. Иначе говоря, художественная культура может нормализовать то, что большинству пока еще кажется ненормальным.

9. *Анализ данных СМИ и социальных сетей.* Они использовались для тестирования уровня уникальности данных, полученных в ходе интервью, позволяли обнаружить ситуации, которые оказались невидимыми в нашем эмпирическом исследовании.

Цель анализа материалов интервью — переход от описательных историй романтических пар к абстрактным мини-теориям частных процессов (например, знакомства или свидания). Этот переход в данном исследовании включает две фазы восхождения от конкретного к абстрактному.

Во-первых, это поиск смысла в ситуации, описанной с помощью естественного языка информантов. Подобные описания представляют собой более или менее хаотичное нагромождение фактов. Необходима логика их упорядочивания.

В объективистской традиции исследователь стремится вскрыть невидимые глазу закономерности. В используемом же в данном исследовании подходе фокус сдвигается на обнаружение в интервью определений, даваемых самими участниками. Например, это свидание или «просто встреча»? Это измена или проявление принципа свободной любви? Даже самые спонтанные определения имеют вполне реальные последствия. Определение ситуации позволяет понять ее общую логику.

Во-вторых, это переход от индивида к исполнителю конкретной роли в конкретной ситуации (например, роли мужчины или женщины, интимного партнера или стороннего свидетеля, любовника или сожителя). При этом все остальные характеристики личности выводятся за скобки.

Технически переход от хаотичной описательной картины к абстрактной модели шел в несколько этапов.

1. Проведение биографического интервью и перевод аудиозаписи в печатный текст (транскрипт).

2. Повествовательный (нарративный) анализ транскрипта через его превращение в связный и логически упорядоченный рассказ.

3. Кодирование транскрипта с помощью программы ATLAS.ti 8 по двум осям — периоды истории пары и сферы жизни (типы ситуаций). Каждой цитате присваивался код, облегчающий ее поиск.

4. Синтез данных разных интервью, помеченных одним кодом. На выходе получалось тематическое повествование по поводу одного типа ситуаций (например, место знакомства, ритуалы, бюджет свидания и т. д.), упорядоченное по трем осям: периоды, сферы жизни, типы (варианты) ситуаций.

5. Очистка логически упорядоченной описательной картинки от деталей, ее доведение до уровня абстрактной модели, в которой взаимодействуют не уникальные индивиды, а исполнители определенных социальных ролей в конкретной ситуации.

6. Объединение моделей отдельных ситуаций, позволяющее построить мини-теорию, включающую и обнаруженные варианты данного события, и набор действующих факторов. Например, от модели свидания X., состоявшегося 1 января 2020 года, и серии моделей таких же единичных ситуаций к мини-теории свидания.

7. Интерпретация мини-теории (например, организации свиданий в изучаемой выборке) в контексте уже имеющихся теорий и эмпирических данных о процессах на глобальном, национальном и региональном уровнях.

Формирование выборки исследования

Логика качественного исследования сопряжена с тем, что выборка не является репрезентативной в статистическом смысле, то есть она не позволяет судить о том, насколько широко распространены те или иные процессы в России, как изменились отношения в масштабах страны или даже города. Эти вопросы затрагиваются нами только в рамках вторичного анализа данных опросов других исследователей, но и они занимают сугубо периферийное положение.

Цель такой выборки — построение мини-теории. Отсюда и ее название: «теоретическая выборка». Нам были одинаково интересны ситуации как исключительные, так и воспроизводимые в миллионах случаев. Иначе говоря, решение проблемы типичности не входило в список наших задач. Уникальный случай для теории не менее интересен, чем типичный.

Единицей анализа в данном исследовании являются не индивиды, а повседневные ситуации, в которых люди замечают друг друга, знакомятся, идут на первое свидание, решают вопрос оплаты совмест-

ного ужина, похода в кино, переходят к интимному сожителству и т. д. Соответственно, ключевой задачей при сборе данных стало обнаружение и описание максимального числа типов подобных ситуаций. Информанты отбирались по критерию наличия у них опыта участия в таких ситуациях или опыта наблюдения со стороны.

При этом информант рассматривался и как повседневный эксперт, который рассказывал не только о своем опыте, но и о своих наблюдениях. Объем опыта мог сильно варьироваться. Кто-то рассказывал только об одной короткой истории, а кто-то — о большом количестве, опираясь не только на свой опыт, но и на опыт наблюдаемого окружения. Одну и ту же ситуацию (например, знакомства) мог описать и один партнер, и одновременно оба. Все это делает ценность традиционного описания выборки (ее численность, социально-демографическая структура информантов) очень относительной. Об опыте первого в жизни свидания рассказывали и 16-летние подростки, и взрослые люди 35—40 лет.

Поскольку культура интимных отношений не меняется быстро, нами игнорируется вопрос о различиях в свиданиях 2001 и 2020 годов. Рассказы подростка и человека в два раза старше о своем первом свидании относятся к одной и той же эпохе. Единственным важным элементом, характеризующим радикальное изменение обстоятельств развертывания отношений, стало появление социальных сетей. Юноши и девушки начала XXI века не могли знакомиться так, как это делают в 2010-х. Тем не менее, 35-летние сегодня тоже «живут» в сети.

Категория изучаемых нами информантов в основном совпадает с поколением миллениалов, в которое обычно включают людей, родившихся с 1980 по 2000 год². Но в США Pew Research Center принял решение использовать категорию «миллениалы» применительно к тем, кто родился в период с 1981 по 1996 год (в 2020 году им от 24 до 39 лет), а тех, кто родился, начиная с 1997 года, относить к поколению Z³.

Относительную ценность имеет и количество информантов. Как уже отмечалось, один мог описать только одну ситуацию, другой — десятки.

² Отметим, что единого мнения по этому поводу нет и быть не может в силу зыбкости категории поколения, особенно в эпоху без жестких разрывов в виде социальных катастроф.

³ См.: Dimock M. Defining Generations: Where Millennials End and Generation Z Begins // Pew Research Centre. 2019. January 17. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (дата обращения: 10.04.2020).

Традиционные методы формирования выборки по возрасту, полу, образованию, материальному положению, типу занятости имеют лишь косвенное отношение к решению поставленных задач. Эти социальные характеристики учитываются, но только в качестве факторов возникновения ситуации интимной пары в конкретный момент. При этом многие факторы такого рода действуют лишь в вероятностном режиме: для одних они значимы, для других — нет. Поскольку мы изучали биографии, то указание на социальное положение информанта в момент интервью мало что говорит. Почти каждый информант неоднократно, а то и многократно менял свое социальное положение. Исключение составляют разве что школьники.

Наши информанты — это в основном женщины и мужчины в возрасте от 16 до 35—36 лет, проживающие в Санкт-Петербурге. Однако при проведении биографического мониторинга в ряде случаев верхняя граница нарушалась. Для исследования важен не столько сам возраст, сколько стаж интимной жизни. 16-летний информант может описать опыт романтических отношений или поиск первого партнера по свежим впечатлениям. Событийная канва подросткового романа в такой же мере освещается и теми, кому за 30 лет, так как интервью имели биографический характер, однако воспоминания уже не столь точны и детальны. В то же время ценность ретроспективной реконструкции ситуаций в том, что информант анализирует их через призму своего последующего опыта.

Гендерные различия проявлялись в основном в ценностно-окрашенной оптике: одну и ту же ситуацию мужчины и женщины могут оценивать по-разному. Однако в описании событийной канвы, в том числе и в описании ценностных ориентаций партнера, различие проявляется в большей степени в том, что женщины более чувствительны и внимательны к деталям, охотнее соглашаются на интервью. В результате женские интервью в целом более информативны, что обусловило их бóльшую представленность в книге. Даже в парных интервью превалял женский голос.

Главная проблема при формировании выборки состояла в том, что до начала интервью исследователь не подозревал, каково содержание опыта информанта. Кроме пола и возраста ничего не было известно. Ситуации как единицы анализа чаще всего обнаруживались

только в ходе интервью. Здесь на ум приходит ассоциация с рыбаком, который, забрасывая сеть, не знает, кто попадет в нее. На то она и интимная жизнь, что с первого взгляда ее характеристики не распознаешь и на улице с вопросом-фильтром не подойдешь. Исключением были только интервью, проводившиеся на заключительном этапе, когда специально выискивались информанты, имеющие специфический опыт. Их искали по наводке: кто-то из обычных информантов упоминал о наличии человека со специальным опытом (например, содержанки). Большинство же ситуаций случайно распознавались только в ходе интервью, поэтому выборка ситуаций работала ретроспективно: уже обнаруженные ситуации раскладывались по типам. Это приводило к тому, что по одним ситуациям происходило перенасыщение (шел повтор однотипных историй), в то время как другие оставались представлены единичными описаниями.

Главный критерий структурирования выборки ситуаций в данном исследовании — стадия истории пары: этап поиска партнера, пара как череда свиданий, сожительство и распад пары. Однако эти критерии лишь косвенно связаны с отбором информантов. Многие из них имели опыт переживания всех этих ситуаций.

В центре исследования также стоит теоретическая проблема возникновения устойчивых малых групп и размывания их основ, замены «твердых» конструкций «жидкими», гибкими и непредсказуемыми. В силу этого внимание обращалось на те ситуации, в которых наиболее заметна диалектика устойчивости/изменчивости. За рамками исследования остались многие процессы в динамике сексуальной культуры (даже если соответствующий материал собран) не только потому, что книга лишь косвенно касается этой темы, но и в силу теоретической ориентации именно на данные, характеризующие исключительно процессы воспроизводства и размывания устойчивости пар.

Единицей эмпирической базы является интервью, получающее код: порядковый номер, год проведения, пол, возраст (например, 88/18-ж-36л.). Единица базы не обязательно совпадает с отдельным информантом. Во-первых, с некоторыми информантами проводилось более одного интервью с тем или иным временным интервалом. Соответственно, один и тот же информант на разных этапах исследования может встречаться более одного раза под разными кодами. Во-вторых, некоторые

интервью проводились с парой — здесь пол обозначен как «м/ж», а в случае цитаты отдельного партнера код разбивался пополам через буквенные обозначения (например, 84б/18-м-23г.). В-третьих, несколько пар изучались через индивидуальные интервью с каждым партнером отдельно. Таким образом, ситуация одна, но источника и текста два.

Исследование начиналось в 2009 году как небольшая серия бакалаврских и магистерских выпускных квалификационных работ, в которых изучались разные аспекты формирования и развития неформальных интимных пар. Проведенные на этом этапе интервью составили исходный фундамент базы данных. Однако представляемое исследование является составной частью серии биографических проектов, выполнявшихся с 1990-х годов (отчасти даже с более раннего периода) и продолжающихся по сей день. Например, в 2005—2008 годах проводилось исследование жизненных стратегий молодежи. По его результатам опубликована книга «Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структуризация повседневности общества потребления» [Ильин, 2007]. С помощью биографического метода ряд лет ведутся исследования флексибилизации образа жизни молодежи мегаполиса и глубинки.

В этой книге также используются данные из других проектов. Кодировка интервью, обработанных в программе ATLAS.ti 8, сложилась исторически и отражает взаимосвязь разных проектов. Отсюда и относительная ее бессистемность (например, после первой сотни номеров появляются коды с номерами более 300). В этой книге использованы материалы 104 интервью продолжительностью от 40 минут до двух-трех часов, сфокусированных на истории интимных пар. Однако в тексте местами возникают и отдельные цитаты из общих биографических интервью, содержавших частный блок по темам, близким данной книге.

Собранные данные превышают возможности объема книги, поэтому мы не стремились показать все многообразие форм возникновения интимных пар. Главным для нас было понимание логики этого процесса в контексте возникновения «текучей» социальной реальности. С этой целью из фокуса внимания книги сознательно исключены случаи, обусловленные исламской культурой или очень глубоким погружением в православие, гомосексуальные пары, трансгендеры, пожилые пары и т. д.

Благодарности

На втором этапе исследование было поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (грант РФФИ № 17-33-00063-ОГМ «Механизмы воспроизводства и флексибилизации жизненной колеи российской молодежи в контексте „жесткой“ и „текучей“ современности»).

На завершающем этапе исследования к его обсуждению и консультациям привлекались коллеги, не вошедшие в авторский коллектив: Наталья Букаринова, Марина Ильина, Анна Лобанова, Маргарита Осипова, Лилия Панкратова.